

Гражданское общество и правовое государство. ПРАВОВАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ И ИНВЕРСИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Автор: М. В. ШУГУРОВ

Право, его эволюция и перспективы в современном мире представляют предмет особого интереса и подчас заботы. Совершенно очевидно, что комплекс правообразующих факторов начинает выглядеть иначе, чем в не очень далеком прошлом. Так, одним из мощнейших векторов эволюции права стала глобализация. Но при этом нельзя забывать и о другом правообразующем векторе - человеческой субъективности, в которой происходят динамичные процессы, подчас метаморфозы, проблематизирующие внутренний - на уровне ментальности - ландшафт бытия права как сферы человеческого бытия. Это оказывается связанным с инверсиями, повсеместно происходящими в современной культуре.

Homo juridicus перед вызовом культурной гипердинамики

Современная культурная ситуация вызывает беспокойство из-за взаимоотношений, складывающихся между культурой и правом, несмотря на то что узакониваемые государством правовые нормы по своей природе имеют общекультурный смысл. Культура как таковая заинтересована в праве, но современный ее кризис подталкивает ориентацию на правильность и образцовость, составляющих основу права. Культурный континуум оказывается ныне более динамичным, чем право, - вплоть до размывания устоев правового бытия. Э. Гидденс определяет позднюю современность, или постмодернизм, как время расцвета *культуры риска*. Источником и следствием рискованности современной социальной жизни становится ее непрозрачность и онтологическая неопределенность.

В современном мире - мире связанного и противоречивого многообразия - активнейшим образом происходят деконструкция новоевропейского проекта личности и деструкция личности как таковой через ее растворение в дезинтегрированных слоях массовой культуры. В обществе, где расшатываются традиционные классические институты, оказывающиеся неэффективными, по причине сегментации сознания и распада целостной рефлексии утрачивается зеркало происходящего, нарастают примитивность общественной и индивидуальной психологии. Вместе с тем изобилие возможностей выбора, наличие множества субкультур и, соответственно, иных способов и конфигураций самоидентичности приносят моменты гипердинамизма и дух неумеренного экспериментирования, когда все строится и разрушается с калейдоскопической

Шугуров Марк Владимирович - доктор философских наук, профессор кафедры философии Саратовской государственной академии права.

стремительностью. Поэтому, если ныне сетуют на фрагментарность разных множеств конгломератов ценностей, то это во многом обусловлено именно данной гиперподвижностью и пребыванием в постоянной смене идентичности, когда самособранный субъект вряд ли возможен. Карнавал начинает заглушать тягостную повседневность, а взяться за самособрание нет ни сил, ни возможностей. Социальные последствия не заставляют себя ждать. В итоге в так называемом "обществе спектакля", а точнее - "обществе шоу", происходит реализация проекта совмещения предельно индивидуализированных стилей жизни, предусматривающего, что человек не цепляется за выбранный образ жизни, а относится к нему как к игре, то есть свободно и не находясь под былым господством статусно-ролевого дискурса.

В наиболее радикализованном виде инверсионность культуры проявляется в утрате критериев различения реальности и мифа, прекрасного и безобразного, порока и добродетели при одновременном "выбросе" на поверхность слабо сублимируемых желаний, толкающих на неадекватные поступки. Удивительные и парадоксальные метаморфозы в трансформации онтологического рисунка пребывания человека в мире не могут не оказывать деструктивного влияния на его присутствие в праве и на правовую сторону его бытия. Спонтанный же демонтаж бинарных оппозиций активно дополняется восходящими к З. Фрейду концептуализированными в деконструкции практиками демонтажа, когда в традиционных парах "реальное-воображаемое", "норма-патология" и т.д. первый термин преподносится как частный случай второго и как производное от тех фундаментальных оснований, что заложены вторым термином. Стирание границ между оппозициями приводит к гиперплюрализму, признающему равноправие всего и вся.

Современная культура выстраивается в направлении незнания "общих начал". Волна плюрализации, кристаллизующая нереперенциальное - несходящееся - различие, размывает соотношенность с intersубъективными и сакрализованными началами той или иной сферы общественного бытия, включая и право. Сферы общественной жизни, по замыслу являющиеся автономными, хотя и открытыми друг другу реальностями (например, можно говорить об открытости друг другу права и морали, права и властно-политических отношений и т.д.), в таких условиях утрачивают собственную, пусть и инертную, идентичность, рассыпаются на множество, конфигурируемое разными точками зрения на то, *что* они есть. Иначе говоря, онтологическая объективность любой сферы жизнедеятельности поглощается субъективной интонированностью. Подобные тенденции закрепил постмодернизм, превознося гетерогенность и апокалиптическую игру фрагментов и "противостоя" автономистским" тенденциям модернистского мировоззрения, критически осмысливая, во-первых, преобладание производства как "главного направления" общественной деятельности, во-вторых, наличие элит как "питомника культуры", в-третьих, существование иерархии ценностей, задающей идеалы истины, красоты и справедливости" [Трубина, 1996, с. 12 - 13].

Увлеченность собственным имиджем и игрой в свою жизнь объясняет сокращение набора общепринятых и общезначимых норм и ценностей, деактуализирует ценностную мотивацию, определяя мультипликацию смысло-ценностных композиций. Самоопределение в духе микроидентичностей сокращает поле действия сил стандартизации, хотя и открывает стандартизацию внутри групп. Соотношенность с разными субкультурами привносит разнообразие и необычайным образом содействует разрастанию жизненной среды человека. Свою свободу, обретенную в связи с выпадением из общего поля зрения, то есть из вида Другого, он не прочь компенсировать публичным самопоказом, что возможно с помощью современных средств массовой коммуникации, создающих иллюзию коммуникативной избыточности. Ясно, что нескладываемость идентификационных цепочек в устойчивое ядро при реабилитации безумия и усмотрении в нем высшей свободы приводит к отсутствию не только самопонимания, но и способности осваивать нормативные структуры права и закона, апеллирующие к рациональному мышлению и поведению. Человека современной культуры мы застаем в тот момент, когда он практически впадает в транс и вместо трезвеного самоотчета в лоне традиционного дискурса ищет иные, подчас экзотические смыслы. Обнаруживающаяся избыточность и

множественность сторон существования позволяет говорить о нем как о трансконтекстуальном субъекте, не только разворачивающемся во множестве контекстов, но и возникающем в них.

Возможности человека как субъекта права связаны с возможностями субъективации в современной культуре. Отрешение от субъектности, предстающей в концентрированном виде в праве, означает дистанцирование от проекта европейской цивилизации со свойственной ей предельно высокой оценкой правового плана бытия субъективности, где субъектность приравнивается к правовой идентичности. В традиционной ситуации прослеживается изрядная законченность, поэтому человек в его односторонней референции к праву вполне может с позиции внешнего наблюдателя показаться "потерянным", да и само право молчаливо принимается за то, что довлеет над человеком и подавляет его. Однако право становится таковым лишь при его тотализации, когда практически отсутствует экстраправовая отосланность, вне которой - автоматизм бытия в праве. Действительно, современное право вписано в центрированную инструментальную культуру, где овнешнение человека, его превращение в автомат - вполне привычное дело. Как замечает А. Зиновьев, "западное общество превратилось в общество правового тоталитаризма. Тут сложилась такая густая и запутанная сеть правовых норм и отношений, в которой рядовой гражданин самостоятельно не способен поступать без ущерба для себя" [Зиновьев, 2003, с. 123]. В подобных условиях утверждается зависимость от особого социального слоя с высоким уровнем доходов - профессиональных юристов, к услугам которых прибегают и граждане, и организации. Не менее зависимым человек оказывается в экономической сфере.

Общая усталость от культуры - как от ее техно-рационального типа, так и того ее типа, что предполагает полифонию и диалог смыслов, - позволяет диагностировать онтологический контур современного человека как лишенность такой значимой стороны субъективности, как субъектность - активного и ответственного начала бытия в нормативно устроенном обществе. А началось все с осуществлявшейся после Второй мировой войны деполитизации и формализации, то есть с превращения в условность сфер бытия, с выработки стереотипов поведения, которым свойственна ориентация на себя, а не на общество. Можно приводить бесчисленные аргументы в пользу того, что человек нечто большее, чем публичная сфера, внутренняя его таинственность. Между тем само христианство, выявившее трансцендентальные условия бытия человека, не отвергало и не отвергает его соотношение с разными типами сообществ - семьей, государством, церковью. Разумеется, человек пребывает в различных системах самоописания, однако вряд ли резонно выкорчевывать из этого множества гражданскую, персональную и правовую идентичность. Публичная сфера тяготеет к правовому дискурсу, предлагая особое описание личности. Право и личность имеют слишком много точек пересечения, чтобы о них забыть. "Законодательное признание за каждым человеком его нравственной и интеллектуальной независимости, способности решать, что для него безусловно значимо, ценно и выгодно, есть первоначало права" [Соловьев, 1991, с. 405].

Казалось бы, весомое различие интересов, статусов (за которыми скрывается и различие во взглядах) - усилитель потребности в праве. Это так, если субъекты стремятся жить сообща. У И. Канта исходным тезисом в теории правового порядка был следующий: "только в праве возможно соединение целей всех". Это одновременно означало принятие позиции единообразного толкования и исполнения законов. Однако индивидуальные различия, усиливающиеся различиями демографического, тендерного, этнонационального плана, могут быть слишком велики - вплоть до разрыва, чтобы оказывать положительное воздействие на воспроизведение права и правовую субъективацию человека. Подобные различия становятся дестабилизирующим фактором, источником деструкции и кризисов, а институциональные структуры уже бессильны согласовывать диаметрально расходящиеся интересы и цели. При таком раскладе способность права быть инстанцией согласования ввиду его некоторой нейтральности (обращенности к каждому, а не к кому-то в отдельности) выглядит следом

прошедшего "золотого" века, который не может вернуться, ибо это привело бы к потере исключительности и эксклюзивности акторов социального процесса. В подобной связи идея М. Вебера о "сущностной рациональности", предполагающей разумные коллективные действия и решения, оказывается далека от своего воплощения.

Современное культурное состояние с достаточной очевидностью "взрывает" правовые структуры сознания с определенными последствиями и в отношении правовой структурированности социального целого, и в отношении оснований рационального поведения. Проблема в том, заменяет или же дополняет плюралистическая мультикультуральность субъект права культивируемыми очертаниями новой субъективности. Одновременно возникает потребность в обновлении интерпретации правовой субъективности, призванной ответить на вопрос - кто является субъектом права и что он из себя представляет в ситуации идущих от культуры декомпозиционных импульсов?

События в жизни культуры и изменения ментальной ориентации человека ставят право перед проблемой острого дефицита правовой субъектности. От культуры проистекает не просто малозаметный импульс, а непосредственное воздействие, имеющее декомпозиционный эффект в отношении сердцевины права - его адресата. А это уже подрыв изнутри. Если речь идет о подрыве изнутри "стирающих" человека правовых процедур, то это не так плохо; но если это - комплектование качества субъекта, которое в итоге несовместимо не только с буквой, но и с *духом* права, то здесь уже - серьезнейшая провокация. Застаем ли мы контур человека юридического в момент исчезновения или же просто происходит реконфигурация и возникновение иной степени восприимчивости к праву? Думается, что конверсия (*conversio* - качественное преобразование и видоизменение) затерялась в инверсионном штурме, нейтрализующем всякий проективизм. Открывшиеся обстоятельства, а именно, убыль субъектности как системного качества личности, выступающего основным принципом легитимного конструирования социальной реальности, побуждают к проблематизации совпадения того адресата, к которому обращено по инерции право, прошедшее школу персоналистического гуманизма, и того реального субъекта, которого с определенной долей условности можно назвать личностью в привычном смысле слова.

Размывание мембран самодостаточности дискурсивных практик и соответствующих им институтов является собой кульминационную точку кризиса новоевропейской культуры и ее антропоюридических конструкций. Поскольку все должно быть подвергнуто разборке, а не сборке, то и право по этой логике перестает быть местом сборки антропологических, экзистенциальных, социальных качеств человека в контур правовой личности, отныне принимаемый чисто условно, номинально, так сказать, вынужденно. Под сомнение ставится правовая социализация человека, тогда как входящий в право индивид неминуемо, пусть даже в минимальной степени, должен собираться в качестве правовой личности. Но если подводная часть айсберга правовой социализации и персонализации сталкивается с намного превосходящими ее силами дезинтеграции, а общество становится подводной частью "иног" айсберга - континуума "разборки", а не сборки, то праву грозит тенденция стать тенью, в том числе и тенью собственной былой автономии и фактора детерминации культуры и жизни.

Идентификация с рациональным правом, как известно, свойственна европейскому человеку: она доминантна и единственно легитимна. В определенный момент моноцентричная культура (где, в нашем случае, право - альфа и омега) подходит к рубежу вопроса о самообновлении через порождение своего собственного разрушителя. Игровое отношение не проникло в эту культуру извне как некие чуждые гармонии, а возникло в ее же рамках. Быть свободным в игре и рассматривать игру как метастиль жизни - нечто *инверсионное* по отношению к былой "наивной" серьезности. Это свидетельствует о "вскипании" и подъеме на поверхность новых избыточных возможностей человеческого бытия и отыскании форм, отвечающих этим возможностям. Эволюционная встроенность в право отвергается в пункте своей тотальности и необратимости, а актуализация других форм субъективного присутствия организует некий альтернативный поток извлечения и выбивания субъекта из необратимой однозначно

метафизической отосланности к праву. А такой субъект, явно выходящий за все ограничения, не может быть как автоматом и эффектом работы правовых механизмов, так и элементом тотальной структурно-институциональной детерминированности. Не может он быть и целостной личностью.

Некогда метафизический правовой субъект был исходной субстанцией и выглядел как пред-данная очевидность по отношению к праву, последним, разумеется, не формируемая. Однако реальность вносит коррективы в такую картинную самопрезентацию. Право как суперструктура не может не прочерчивать властной рукой сподручный контур субъективности. Привнесение же в культуру и жизнь динамичной игровой позиции ограничивает властное нанесение татуировки "правовая субъектность" и означает отклонение в сторону от реальности, которую право конституирует. Снятие "уз" всякой дисциплины и призыв к расслабленности и свободной игре со знаками создает атмосферу праздности, в которой забывается исходная серьезность.

Беспредельная метафоричность, а также отход от буквального, собственного, прямого смысла недопустимы для права, ибо право - не расставание со "своим", а поле бытия в качестве *самости* и обязывание к определенному образу жизни. Право - та же игра, но по строгим правилам, которые заранее предписаны и предусмотрены. Правовая система, как подчеркивает А. Медушевский, задает основные правила игры социальных акторов, в качестве которых выступают юридические лица и субъекты различных правоотношений. Но при этом предусматриваются институты, гарантирующие точное соблюдение правовых норм, и технологии как механизмы и рычаги применения норм [Медушевский, 2002, с. 9]. Но если в культуре потерян субъект, способный воспроизводить цивилизацию или, в более мягкой формулировке, субъекты культуры свободно отклоняются от следования цивилизационно-правовым нормам как правилам игры, придающим "респектабельность", то с правом утрачивается и правомерный поступок. Субъект оказывается все менее способным на поступок как свидетельство своей реальности, тогда как именно поступок позволяет убедиться в своем праве и поступить в соответствии с ним. Иначе говоря, происходит утрата онтологических первоструктур личности, необходимых как для нее самой, так и для ее же "собственного" - отнюдь не метафорически-условного - правового бытия. Грандиозный эксперимент, остроумно проводимый в культуре, объективно не может увенчаться успехом в праве.

Маргинальная идентичность и право

Внутреннее убранство западной цивилизации выстроено по линиям права и отмечено активной нейтрализацией возможного противостояния праву. Между тем вполне очевидно, что упорное подавление иных устремлений, не укладывающихся в координаты правовой регламентации и оценки, не могло не привести к появлению собственного инверсификатора. Имеется в виду появление маргинальной идентичности, проблематизирующей правовую регламентацию и набрасывающей эскиз человека постюридического. В контексте инверсирующей культуры маргинализация - не буквальное вытаскивание на дно и понижение социокультурного статуса, а смещение на обочину и глубокая релятивизация ценностей вплоть до состояния, характеризуемого смятением.

Вполне очевидно, что классическое право апеллировало к некоей нормативной субъектности, обладавшей стабильной идентичностью, вменяемой, самоотчетной, рефлексивной, придерживающейся каких-то незыблемых принципов и свободной в рамках права. Как таковая нормативная субъектность соизмеряет свое поведение с правом, контролирует себя, предусматривает и прогнозирует результаты своей деятельности, а также получает удовольствие от своей нормативной исполненности [Шугуров, 2004, с. 82 - 86]. Конечно, если взять европейского человека, то раскол между официальными ценностями и реальными мотивами поведения в нем всегда присутствовал: но субстанциональный эгоизм никогда не брал верх и смирялся перед авторитетом "гибкого коллективизма" и правовыми нормами. Для такого человека право всегда было базовой ценностью, поскольку являлось наилучшим средством регулиро-

вания деятельности и эффективнейшим методом координации человеческих действий. Если он и не реализовывал в своей деятельности те или иные надличностные нормы в полной мере, то по крайней мере обладал надлежащей установкой и был способен придерживаться строгих правил игры, в целом оставаясь верен духу серьезности.

Серьезная идентичность чужда релятивизму, в том числе софистическому, акцентирующему условность правовых норм. Уже одно то обстоятельство, что право конституируется под воздействием неоспоримых и очевидных принципов, служило весомым аргументом, на основе которого правовое самосознание относилось к правовым установлениям и нормативным юридическим предписаниям как к чему-то незыблемому, хотя и допускающему изменения и критику. Иными словами, само восприятие нормативной субъектности придавало правовому бытию определенность и стабильность, стремясь к подобной же стабильности в отношении своей собственной идентичности.

В культуре, где быстрыми темпами идет гиперплюрализация, тесно связанная с релятивизацией норм и ценностей, возникает и укрепляет свои позиции *маргинальная идентичность*, сознание и поведение которой пучкообразно, ризомно и не ведет к единой цели. Но субъект с "клочкообразной" идентичностью не может быть аутентичным субъектом права. Рассеянные парадоксальные множества, о которых толкуется в постмодернизме, может быть, и хороши, но только не в правовой сфере. По своей природе право есть измерение упорядочения, стабилизации, устойчивости, определенности. В своих стремлениях, будучи надличностной суперструктурой, оно все же не тяготеет к тотальному, гомогенному порядку. Право в качестве своего условия имеет гетерогенность, полисубъектность, флуктуационность. Как на уровне правовых обычаев, так и на уровне позитивного закона, оно есть момент самоорганизации общества и поэтому отнюдь не дискредитирует спонтанность жизни.

Для проявления миссии права необходим соответствующий - самоорганизующийся - субъект. Если его нет, то можно говорить о "недобытии" права. Эффективность и действенность правовой регламентации катастрофически ослабляется, если сама человеческая личность рассыпается на пучки, энтропизируется, не проявляет склонностей к стабильности, устойчивости, константности своего бытия, все время стремясь подменить и сменить правила игры в ходе самой же игры. Современная неустойчивость бытия субъекта предопределена и осведомленностью о частных случаях противоречия между законом и обществом. Роль закона как регулятора общественной жизни все заметнее утрачивается по причине всеобъемлющего кризиса нормативного способа социальной регуляции и подменяется целесообразностью. Закон, уже не воспринимающийся в качестве сакрального начала, проходя через маргинализованные слои сознания и поведения, множит бесконечные факты неточного применения, отчего возникает неопределенность и приблизительность в осуществлении права.

Следует учитывать и то обстоятельство, что правовые нормы действуют в пространстве и времени. Но как может маргинальная субъектность в своей деятельности реализовывать эти нормы, если она детерриториальна и атемпоральна? Детерриторизация субъекта - не просто красивая метафора, а реальия современной глобализации, в которой происходит не только интернационализация экономических отношений, но и интернационализация самого человека, который начинает простирается через становящиеся транспарентными границы традиционных государств и юрисдикции. Эрозия национальных государств, опирающихся на принцип неизменности границ, находится в корреляции с эрозией и распадом суверенной субъектности. В то же время происходящее с границами как отграничениями есть очередное покушение на традиционно сложившийся дух права, противостоящий динамизму и открытости жизни. Правовой идеал, по мнению К. Хаусхоффера, весьма охотно превращает границу в "математическую, почти бестелесную черту, по меньшей мере в линию на карте, зафиксированное на бумаге буквами и цифрами понятие, которое можно раз и навсегда определить и написать" [Хаусхоффер, 2003, с. 252]. Разграничение - фундаментальное требование природы, но закостенелость разграничения враждебна жизни и является признаком старения ее форм, выражающимся в подчинении букве закона.

Разрыв связей с устойчивыми сообществами как референтными группами - следствие реализации такого принципа глобализации, как "свободное перемещение людей". Тем не менее чрезвычайное масштабирование и возведение в ранг требования динамичности не может не сказаться на самосознании человека. Перемещение по огромным территориям и несвязанность с конкретным местом, разрастание жизненного пространства до всеобъемлющих размеров превращают жизненный путь человека в авантюру, в серию событий, которые не следуют одно за другим во времени, а накладываются друг на друга. Это и есть атемпорализация личностного бытия - сценарий, противоположный сценарию оптимального сочетания устойчивости и изменчивости.

Однако указанные тенденции приобретают достаточно интересный противовес: суверенная личность остается и даже усиливает свои позиции, несмотря на активное размывание суверенных государств, обладавших монополией на насилие, господством над территорией и властью, над гражданами. Утрата доверия к официальным институтам, означающая одновременно уменьшение их мощи, отнюдь не заканчивается катастрофой права. Катастрофа относится к пониманию права, основанного на однозначной связи с государством. Интенсификация транснациональной интеграции, предполагающей национальную дезинтеграцию в условиях кризиса государства "всеобщего благоденствия", приводит к переориентации субъектов в процессе их деятельности с членов "национального коллектива" на членов "глобального гражданского общества". Отчего значимость права не только не уменьшается, а напротив, возрастает. Поскольку "национальная коллективная принадлежность отходит на задний план, а на авансцену выступает индивид с его индивидуальностью" [Мюнх, 2004, с. 40], то либертарное понимание права усиливает ряд своих сущностных свойств, а именно - акцентирование координирующей составляющей права. Культ индивидуума с присущим ему объемом прав, признаваемых государством и охраняемых международным сообществом, означает не анархию, а новый социальный порядок, где востребованность суверенной личности предельно зрима. Индивид находится в поле многоуровневых отношений как национальных, так и транснациональных, что актуализирует теорию Г. Зиммеля о суверенном субъекте. Согласно его теоретическим построениям индивид находится в зоне пересечения многих социальных кругов, но для того чтобы сохранить шансы на формирование собственной индивидуальности и чтобы не быть разорванным под воздействием требований, исходящих от различных социальных кругов, он должен отстаивать свою автономию и стремиться обрести собственный "внутренний закон".

Несмотря на первые ростки новой глобальной правовой культуры, взаимодействие субъектов в открытых трансграничных пространствах все же сопровождается маргинализацией, ростом аномии, теневого сектора, диспропорциональным возобладанием прав над обязанностями. Маргинальная идентичность, склонная к "перманентному инаковению", в лице права усматривает свою собственную тотальную проблематизацию. Позиция постоянного пересмотра образцов и образов существования, локализуемая в маргинальных зонах культуры, достигающих ныне гипертрофированных размеров, конституирует некоторое подвешенное состояние, которое вряд ли можно расценивать как вполне *естественное*. За цивилизующими стенами правовой регламентации совершенно не обязательно возникает антиправовое поведение. Некая безразличность к праву порождает внеправовое поведение, достаточно критически выражающее разочарование в истинности основных доминант правового дискурса, бытие под сенью которых открывается как потеря элементарной осмысленности происходящего. Однако маргинальная позиция, характеризующая коннотационной перегруженностью, в достаточно авантюрной бездонности которой неопределенным и стертым становится и свое и чужое, вряд ли оказывается насыщенной смыслами.

Размывание человеческого сообщества в его классическом понимании и выход на поверхность маргинальной идентичности открывает возможность внеправовых (свободно-ассоциативных) форм построения сообщества. В культуре как сфере смысло-полагания, действительно, внеправовые условия доминируют, однако и здесь присутствуют нормативные каноны смыслообразования, аналогичные нормам права. Как

только в культуре плюрализм смыслополагания сползает к маргинальности, воспроизводимая в такой культуре субъективность оказывается не заинтересованной в правовой стабильности, как и в стабильности вообще. Право в таком случае будет казаться ненужным, второстепенным. Место права как барометра устойчивости общественных систем оказывается пустым, ибо всякие измерители, тем более являющиеся одновременно еще и созидающими началами устойчивости, просто абсурдны. Из сказанного не следует, что современный человек "выскальзывает" в бытие, полностью инертное по отношению к праву. Мы живем в экономической цивилизации, *homo economicus* так или иначе возвращается к праву, а вместо прежних возникают новые юрисдикции, воспринимаемые как нечто необходимое.

Децентрация и свобода

На правовой контур человеческой субъективности помимо указанных процессов мощное воздействие оказывает деконструкция идеально-нормативного образа гомогенного субъекта в форме заявленной постмодернизмом акции замены концепта "субъект" безличным и доиндивидуальным полем (Ж. Делез), а также деконструктивистская критика логоцентризма с присущим ей понятием централизованной дискурсивной структуры (Ж. Деррида). Осуществился поворот к исследованию субъективности с позиций разрешения противоречия между сингулярностью и формально установленными нормами того или иного дискурса в направлении высвобождения именно первой. Если право апеллирует к сознанию, то "безличное доиндивидуальное поле" не находится в зоне досягаемости права, поскольку не поддается определению в качестве поля сознания. И если право властно над потоками *персонализированного* существования, локализованного в пространстве и времени, то над сингулярностью оно оказывается невластным. Суверенная и автономная личность, свободно распоряжающаяся своими способностями и собственностью в соответствии с формулой - "дозволено все, что не запрещено", - осмысливается как принадлежность метафизической традиции.

Сингулярность (единичность) присуща любому уровню бытия. Право - структурированный и стандартизированный его уровень. Однако единичность, оригинальность, исключительность и неповторимость, приписываемые сингулярности, здесь, несомненно, находят признание, но уже в качестве того, что является *сущностным свойством субъекта*, способного при всей своей "единственности" к самоограничению и непротивопоставлению себя другим. Право побуждает субъектов считаться со своим окружением, ограничивать исключительное вслушивание в собственные желания; оно центрирует одни желания и выносит за скобки другие. Как отмечал Гегель, значимый сам по себе субъект, достигающий сознания личности, одолевает вождление и думает об общих предметах. Сингулярность здесь соотносима с сознанием, а не с безличным и доиндивидуальным полем, и принадлежит *персоне*, отличающейся качествами императивности и субстанциальности. Данное обстоятельство позволяет критически отнестись к признакам всецело "свободной" сингулярности, таким как нелокализуемость, ненамеренность, бесцельность и произвольность. Произвольные сингулярности всецело индифферентны в отношении формального различения частного и общего, личного и безличного. Это не то *суверенное Я*, к которому апеллирует право, возносясь над бесформенными различиями хаотического существования и предполагая опору на сознание и разумную волю. Постмодернизм же в порыве освобождения человека совершает редукцию к качествам, не совместимым с качествами *собранного и централизованного* правового субъекта как исходной точки структурного и упорядоченного сообщества.

Было бы полбеды, если данное творческое открытие означало бы в ситуации, когда обстоятельства делают невозможными любое творческое открытие, корректировку некоторых начал субъективности. Однако мы видим отставание некоторого сценария (который по замыслам его создателей не может рассматриваться как альтернативный вариант), соотносящегося с правом, да и с любой структурой (синонимичной подав-

ленности, ограниченности, насильственности) под знаком проблематизации. Тот же Делез полагает, что сингулярности образуют неподчиненные жестким структурам "роевые множества", противостоящие "агрегатам", управляемым на основе иерархических законов. Роевые множества, стало быть, затрудняют структурное бытие, а не дополняют и изменяют его: от них не исходит структуротворение как "изготовление" ареалов новой несвободы, но не исходит и претензия окончательного сокрушения.

Заявленная акция сосредоточивает внимание не на том, что открывается в человеке, когда он становится субъектом, а на том, что начинает возобладать в нем, когда он исходит из состояния структурированной субъектности. Событийная и умопостигаемая сингулярность не только не укладывается в "прокрустово ложе" структурности и упорядоченности, но и показывает убогость данного ложа. Конечно, право так или иначе в сублимативном ключе работает с иррациональным и бессознательным, которому, как известно, чужды причинно-каузальные цепочки. Однако сингулярность, чуждающаяся упорядочению под эгидой властвующего дискурса, есть, не просто на мой взгляд, оживление хаотического и некоторое творческое дополнение с его стороны, а замещение немаргинальной дискурсивности и социокультурной структурности. Субъективность, исчезающая в цепких объятиях структурной статуйности и возродившаяся как доиндивидуальное и безличностное поле, прерывает традицию наблюдаемости человека, превращая последнюю и связанный с ней тип правовой регламентации в дело прошлого.

Согласно небезызвестной идее М. Фуко, дисциплинарная власть формирует властные нормы, воплощающие принцип принуждения. В дисциплинарном пространстве человек находится под постоянным надзором и контролем, а потому не свободен. Техника контроля за поведением подвластных предполагает отслеживание фактов соблюдения или несоблюдения норм. В итоге власть, а вслед за ней и право оказываются инструментами объективации и подчинения. Своим описанием субъекта права как нормального и законопослушного власть всего лишь конституирует его как произведенный ею же индивидуализированный объект. "Постмодернистский анализ расшатывает подобное понятие суверенности. Гуманизм же может быть рассматриваем не как освобождающий дискурс, но как дискурс "субъектной суверенности" или "псевдосуверенности" [Wright, 2001, p. 68]. Другими словами, большинство индивидуумов отрицают возможность себя, отчего в современном обществе возрастает псевдосуверенность.

Конечно, нельзя сказать, что в результате постмодернизации возникает пустота. Нет, просто недостаток и нехватка субъективного спонтанного бытия, включенного в институциональные горизонты социума, сменяется "спасительной" для субъективности нехваткой институциональности, что связано с резким сужением принятия свободы в рамках закона и благодаря закону, а также с отходом от ее описания в терминах легальности. А вот может ли право, как и свобода, быть полностью внеинституциональным? Маловероятно. Поэтому данное отклонение никак не связано со спасением духа и жизни права от его же объективированных формализмов.

Бесструктурность предлагаемого существования, пронизанного пафосом откладывания и запаздывания, приостанавливает трансформацию становящегося в ставшее, когда, по Деррида, нет изначального присутствия, а изначально лишь запаздывание. Это ситуация структурного существования буквально наоборот, когда нет места "сфабрикованному" правовому субъекту (что выражается в перемене взгляда, позволяющего увидеть структуры как не-структуры). Здесь имеется в виду следующее: центричное право как символическая система стремится к тотальному покрыванию всего опыта и властно предписывает действиям значения, запуская символическое воспроизводство человека. Если структура всегда опирается на недостаток, а не на избыток, то есть на ограничение, то во внеструктурном существовании на первом плане - избыток, предполагающий недостаток структурности и символичности как дискурсивной, так и социальной. Является ли производный правовой субъект вообще субъектом и не лучше ли перейти к модели *де-центрированного не субстанционального субъекта*, всегда ускользающего от диктата одностороннего и купающегося в избыточности?

В этом случае инверсия предстает как десимволизация и возвращение к *Я* как хаотическому пучку.

Деррида как один из ведущих инициаторов подобной практики прямо указывал на фрейдовскую критику самоналичия, то есть критику самосознания, субъекта, самоидентичности и самообладания в качестве идейного источника деконструкции. В самом непосредственном отношении к практике децентрации находится и Ж. Лакан, указывавший на иллюзию стабильности *Я*. Предлагая триаду "реальное-воображаемое-символическое", Лакан выделял в качестве реального - *Оно* (бессознательное), которое структурируется посредством языка. Само по себе реальное - хаос, не поддающийся именованию и не имеющий голоса. Человек как *homo juridicus* изначально отчужден от своего реального теми образами самого себя, что навязаны ему культурой и с которыми он себя отождествляет. Подлинной же связкой между реальным, воображаемым и символическим оказывается децентрированный субъект.

Поскольку право связано с самособираем, то для де-центрированного субъекта пребывание в праве преисполнено страдания, ибо чуждо его природе. К тому же право достаточно рутинно, и, несмотря на весь его динамизм, суть нечто установленное, тем более не нами. Право предполагает и глубинную оккупацию сознания некой односторонней картиной человеческого присутствия, скрывающей якобы отсутствие последнего во всей многообразной целостности. Судяще-распоряжающая и привилегированная - центрированная - нормативная система отсчета предполагает и объективацию права с помощью языка. Особая роль принадлежит здесь практически застывшему методичному стилю позитивного права. Языковые структуры, плотно связанные с правом, стимулируют новый виток *рассеивания* субъекта.

Как же спастись и предотвратить такое многоаспектное рассеивание? В переходе от места к месту в стиле кочевания как самодетельного рассеивания. Структура всегда предполагает организующий центр, который одновременно *в* и *вне* структуры [Деррида, 2000, с. 446]. Постмодернизм свидетельствует о деактуализации в первую очередь догматического центра, закрывающего свободную игру семантических элементов и являющегося неподвижным присутствием. У субъекта, отсутствующего в центре -месте сборки репрессивной структуры, нет центра, пусть и его собственного, как нет того, что вообще может быть собственным. Отсутствие в зоне манифестации и выражения структур посредством и через субъективность означает детерриториальность и отсутствие целостной картины мира, что вполне свойственно и современной культуре. Смысловая коннотация выстраивается в ризому, в которой исчезают культурные скрепы, традиционно связывавшие индивидов в общество. При отсутствии стержня, вокруг которого образуется устойчивая идентичность, субъект избегает сборки и разборки извне и изнутри. Он как бы по ту сторону бытия в координатах "сборка-разборка", предполагающих нанесение на поверхность сознания любых знаков, выдаваемых за единственно верные. Поскольку сборка-разборка всегда типизирует и унифицирует, то ее критика - протест против гомогенности в пользу различия и многообразия.

Отстаивание права на несходство как своего рода "естественное право", однако, не противоречит праву с его установлениями: право на культурные различия является ныне закрепленным и широко реализуемым, правда, с известными оговорками, подобно тому как имеются определенные границы права на свободу совести и религии. Для "рассеянной" же субъективности все смыслы без исключения правомерны и должны быть актуальными. Однако институционализированное социальное бытие не может обходиться без отсевов и отбраковки, то есть селекции, и подчас монологичности одного какого-то значения, достигаемого обрывом бесконечных символических ходов и переходов. Правовой, так же как идеологический текст, манифестирует само-легитимацию монологичного значения, привилегированность позиции и взгляда некоего анонимного Другого (законодателя), тем не менее всматривающегося в естественно сложившиеся нормы (правила, обычаи). Этим достигается легитимация определенных общественных институтов как содержательных центров жизненного процесса, на что следует в качестве реакции деконструкция как игровой способ "разбора" текста и всего

того, что за ним стоит. Но деконструкция, скорее, - не активное революционное действие низвержения принципа центрации, а практика отклонения субъективности от централизованной идентичности. Весь вопрос не в отрицании центра и приближении к идее нецентра, а в том, чтобы в процессе деконструкции как способа анализа структур вновь не вернуться к былой оппозиции "утверждение-отрицание". Демонтаж "игры по правилам" (обоснованной, то есть заранее предопределенной, игры), позволяющей преодолеть ощущение ненадежности, призван всего лишь раскрепостить свободную игру, в которой происходит подмена содержаний, взаимозамещение и превращение терминов. Презумпция отсутствия вне центра дополняется презумпцией отсутствия трансцендентального означаемого - значения, возвышающегося над знаками и обрывающего игру означающих.

Как таковая нормативно-правовая легитимация человеческого существования имеет самое прямое отношение к оппозиции "порядок-хаос": вне юридически очерченного порядка - беспорядок как невозможность бытия. Нечто единственно реальное - это жизнь в границах права, спасающих от хаосомной спонтанности, чуждой рационально-сознательной целенаправленности. Однако если для цивилизованно-респектабельного, идеологически ангажированного измерения внеправовая ситуация - шокирующая травма, то для культуры постсовременности - это имманентная родственная среда, в которой не усматривается ничего губительного. В этой, ныне разрастающейся среде, человек, "умерший" в полях жесточайшей структурной детерминации, возникает, воссоздается в своей спонтанной активности, но не для того, чтобы опять умереть в качестве человека юридического. Дискурс права, как и структуры права, вполне может выглядеть абсурдным в качестве основания *легитимной свободы*, не имеющей якобы ничего общего с истинной свободой пребывания вне современных доминирующих дискурсов и институциональных структур. Постмодернизм с его маргинальным дискурсом "вовсе не после-современность. Это способ отрицания современности технологии во имя современности освобождения. Если он был изложен в столь причудливой лингвистической форме, то это связано с тем, что постмодернисты стремились найти способ оторваться от лингвистических пут, которыми либеральная идеология связала наш дискурс" [Валлерстайн, 2001, с. 185]. Однако, как мне представляется, постмодернистский разбор конститутивных оснований модерна ни в коем случае не является очередным патологическим запутыванием по причине отхода от оппозиционного членения. Просто здесь предлагается осознать разрыв между провозглашенным принципом суверенности человека и реальным фактом его подавленности, предопределенным подменой права, основанного на свободном волеизъявлении, правом, основанным на силе и принуждении.

Несомненно, право всегда побуждает оценивать аспекты социальной действительности посредством оппозиции "правомерное - неправомерное" и предусматривает применение санкций. А потому, если от постмодернизма исходят достаточно мощные импульсы деконструкции и рассеивания всякого центрального дискурса, претендующего на исключительность и гегемонию, то, соответственно, нейтрализуются токи, фабрикующие сознание и поведение человека в праве, открываемом не как мера и форма свободы, а как ее иллюзия. Правовые наррации исходят от структуры структур - государства, которое с их помощью конструирует право и социум, но не себя в праве. В таком случае путь свободы - это опровержение самосущих данностей и претворение отсутствия в праве. Во внелегальных пространствах разыгрывается вольная и акратическая игра мыслей и чувств, являющаяся катастрофой вышеуказанного типа идентификации человека с правом, но выступающая истоком нетипичной идентичности как возможного указания на подлинно независимый способ бытия в праве и иной тип правопонимания.

Для субъективности, освоившейся вне ситуации принудительности, возвращение в право мучительно. Но другой способ выстраивания правового бытия в контексте новых горизонтов свободы неизбежен, как бы он ни откладывался. Постсовременный человек остается тем не менее современным. Да и чрезмерную экстравагантность постмодернизации переживают не все. Напротив, многие срачиваются с массовым порядком

существования и без излишней рефлексии усваивают технологизацию и прагматизацию права, и для них поток постмодернизации оказывается насущным катарсисом. Какими бы тягостными переживаниями своего усредненного присутствия ни сопровождалось существование постмодернизирующихся субъектов, перед ними стоит задача освоить свободу не только в маргинальных зонах, но и в самом праве, то есть последовательно реализовать продекларированные принципы персоналистического гуманизма. Свобода в несвободной среде должна дорасти до освобождения среды. Поэтому более продуктивны поиски иного отношения к нормативному существованию в его же рамках через сдерживание ирреализации существования автономного Я. Это возможно через открытие смысла "вынужденного" присутствия в публичности как среде "усредненной субъективности", состоящего в открытии Другого Субъекта и выявлении значимости правоотношения как основы субъектного взаимодействия.

Несмотря на все культурные и социальные дистанции, общество существует лишь при определенном сходстве, предполагающем принятие общих понятий и отсылок к единству происхождения. Человеку, не самоопределяющемуся в качестве субъекта права и настаивающему на том обстоятельстве, что он - больше права, как бы то ни было приходится жить во вполне "прозаическом сообществе" и касаться форм повседневного общения. Однако вне реализации способности быть *homo juridicus* активизируются анархистские тенденции, низводящие смысл социального действия к привычной, элементарной адаптации к окружающему миру. В этом случае не представляется возможным свидетельствовать в пользу существования социальности в классическом значении этого термина. Она уступает место анархизированному ролевому сообществу.

Субкультура дезинтеграции, представленная в том числе и утонченными интеллектуальными практиками деконструкции, несмотря на ее мощные энтропийные выбросы, не может отменить потребность людей в цивилизованном устройении, вне которого удовлетворение многих фундаментальных потребностей немислимо. Субкультура дезинтеграции, препятствуя субъективации индивида в виде псевдоавтономной правовой личности, причастной жесткому структурно-центрированному порядку, осуществляет некую предварительную работу. Вне ее дополнения качественно новыми усилиями собирания, а не разбрасывания, невольно и незаметно открывается дорога ограниченному, но тотальному в своих притязаниях формам социальной инженерии, неявным образом собирающей разбредшиеся атомы в одно целое и не забывающей при этом манифестировать приверженность таким принципам социально-правового бытия, как справедливость, равенство и т.д. Но что представляют из себя эти провозглашенные принципы вне субъекта? - Устои, которые оказываются бездейственными, ибо они не интегрированы в действия субъекта. В отсутствие последнего механизмы, обеспечивающие устойчивость социума, неэффективны, а дисциплинирующее воздействие, приходящее извне, становится манипуляцией.

Автономный субъект: необходимость реабилитации

Смягчение дестабилизационных процессов, связанных с упрочнением позиций плюрализма в современном социокультурном процессе, предполагает обнаружение концептуальных и институциональных практик, способных обеспечить устойчивость существования субъектов в их реальной автономности и суверенности. Заслуга постмодерна, как видится, состоит в проблематизации преобразовательного-инженерного понимания права эпохи модерна, основанного на закрытой и жесткой модели рациональности. В положительном ключе право начинает восприниматься децентрированным субъектом как "многомерный, противоречивый, стохастический феномен с постоянно изменчивой ("ризомной" или текучей) структурой в отличие от одномерного, детерминированного явления с постоянной структурой" [Честнов. 2002, с. 6]. Взгляд на право как на множественность и несводимое к единству разнообразие, хотя и обосновывает плюрализм правовых культур, тем не менее оставляет в стороне проблему адекватного наполнения универсальной ценности субъекта, без чего результативный переход к более мягкой, или открытой, модели рациональности в праве невозможен.

Постмодернистской методологии в качестве стороны критического диалога необходимо противопоставить категориальное осмысление автономной и суверенной личности как центрального фактора, обеспечивающего нормальную жизнедеятельность общества и его прогресс. Огромную роль здесь играла и играет деонтология, типизирующая автономную субъектность [Farrell, 1999, p. 65]. Высказывается и позиция, согласно которой альтернативные постмодернистской деконструкции субъектно-объектной парадигмы концепции предполагают возможность "стабилизации классической категориальной аксиоматики неким центральным членом, который выступил бы амортизатором разрывающей ее центробежной силы" [Синченко, 2001, с. 10]. Такой центральный член усматривается в человеке именно юридическом, а не постюридическом. Очевидно, что реабилитировать автономного субъекта и классические ценности представляется ныне возможным только в интересубъективном аспекте и с учетом концепта жизненного мира. Обретение устойчивой идентичности, нейтрализующей негативную инфляцию и диссоциацию *Эго*, предполагает глубокое осознание значимости права для взаимосвязанных процессов субъективации и альтеризации.

В субъективности возможны как содержательная убыль, так и возвращение и утверждение истины, смысла и ценности права. Сфера оснований государства и права сокрыта в субъективности и одновременно находит в ней подтверждение своей легитимности. Чрезмерная же сокрытость субъектности превращает в некую неясность само право. Поэтому, если говорится о "смерти человека как субъекта", то одновременно подразумеваются провалы в самоорганизации социальности на основе права, поскольку именно в субъекте происходит связывание функционального и онтического (ценностного) в бытии права. Право, внутренняя связь которого с человеком и его ценностями обрывается, начинает восприниматься как нереальное, как утверждение тотального "присутствия сущего", становящегося гиперреальностью, которая как раз и является нереальной. Потеря правом экзистенциального измерения - одна из острейших проблем современного общества, равно как и потеря субъектом ценности нормативного измерения. Разумеется, субъективность при этом остается, но утрачивается субъектность как присущее личности в нормативно обустроенном обществе внутреннее "самозаконие".

Утрата доверия к правовому состоянию всегда параллельна утрате абстрактного "общезначимого" в результате выверта самоизоляции. В праве не усматривают того, что было бы склонно к экстравагантности, оригинальности: право репрессивно и всех равняет в рутине повседневности, отчего субъективная реальность утрачивается. Но ведь право удерживает как саму субъективность, так и среду ее существования от исчезновения в хаосе наслаивающихся действий. Современный человек вступает в многочисленные конфликты, которые разрешаются на основе права как инструмента согласования прагматических интересов. Поэтому преждевременно говорить о том, что связь человека и права стирается и уходит в небытие. При всей склонности к свободе каприза и чувственных наслаждений ригоризм протестантской этики по инерции дает о себе знать в сохранении уважения к закону и профессиональной ответственности. Но определенный цинизм заключается в том, что человек использует право без глубокой пропитанности его духом и соотносением его с истиной: он пользуется благами современной цивилизации, отклоняясь от экзистенциальных переживаний права, что ослабляет правовые мотивации.

Жизнь в праве, преследующая сугубо утилитарные цели и перестающая носить характер служения идеалам автономной и суверенной личности, - неявная форма правового нигилизма, придающая титульности права для субъектности внутренне пустой характер. В таком случае говорить о социальном прогрессе, осуществляющемся через право, затруднительно. Под сомнение может быть поставлен и необратимый характер самого правового прогресса - от права сильного к праву гражданского общества, а усовершенствование юридического инструментария оказывается бессильным воспрепятствовать уходу человека из права в некий другой лабиринт.

Для постсовременной субъективности правовая субъективность - это практически неверное и экзотическое состояние пребывания в виде "свертка", в качестве которого можно аттестовать бывшего "автономного" (читай - самодостаточного и замкнутого) субъекта. Правовая семиосфера - явно не та обитель, в которой может найти себя постсовременная субъективность, достаточно чутко улавливающая властные вибрации нормативного ограничения. Но не следует забывать, что право связано не только с цивилизованно усредняющим, но и с культурно-индивидуализирующим началом. Правовая субъектность - это не столько "личина", сколько "лицо", содействующее сохранению индивидуального "лика". Право, если разобраться, подключено к процессу *образования* человека, а не только имеет своей целью обеспечение его внешней автономии. В этой связи вряд ли можно говорить о том, что право предполагает человека всего лишь как структурную компоненту, функцию анонимных структур. Право, особенно современное, не пренебрегает индивидуальностью, а утверждает ее, чего не скажешь об утверждении права со стороны индивидуальности, сконцентрированной исключительно на "правах".

Думается, что современная культура недостаточно коррелятивна высокой образовательной миссии права. Последняя как предмет умозрительного созерцания слишком далека от современной прагматики, привносимой цивилизацией, на которую инверсирующая культура реагирует следующим образом: скорее разбрасывает и рассеивает, нежели собирает, поскольку усматривает в праве исключительно власть и принуждение. Отсюда вся деликатность положения права, попавшего в ножницы приобретенной новой форму конфликта культуры и цивилизации. Современный человек вынужденно пребывает в двух измерениях, оказавшихся разорванными, - в цивилизации, апеллирующей к центрации, и в культуре, настроенной на децентрацию.

Взаимонаправленное включение права и государства в бытие субъективности в подобной ситуации - это процесс возрождения условно умершего субъекта, попытавшегося обрести внеправовое существование, неформальный оазис внутренней свободы. Поэтому вполне обоснованно говорить о необходимости легитимации права в глазах субъективности. Субъективность, признающая "законность" права, возрождается как автономная правовая субъектность, налагающая ограничения на институционально-структурную гиперреальность. Установка права на персонального пользователя означает определенную синхронизацию индивидуального и социального. Напомним, что, по Ю. Хабермасу, ориентация на коммуникативное понимание, предполагающее общую систему смыслов, становится условием создания упорядоченной нормативной среды, устойчивых легитимированных межличностных отношений, устойчивых личностных структур, способных к развертыванию и самоопределению. В условиях синхронии личного (частного) и публичного субъект - не просто структурная компонента анонимных структур, а тот, кто свободно полагает себя в правовой среде.

Взаимное признание в координатах права препятствует солипсизму и суицидальному исходу *Я* как *Я* - рассыпанию в произвольно неограниченные акции. В этой связи в горизонте Другого правовой субъект как "один из" - поступающий субъект. Право легитимирует самовыстраивающееся *Я*, ориентированное на любого Другого. Публичность - это общий мир, а не вывернутость наизнанку и овнешнение. На общей сцене публичности осуществляется диалого-состязательное, вторяще-аккомпанирующее соотнесение субъектов, а также вырабатываются навыки оперирования символическими объектами. В данном случае подводной частью айсберга права оказывается "жизненный мир" как нетематизированный фон общих смыслов, разделяемых всеми членами общества, благодаря которому возможны повседневные интеракции (Хабермас). Жизненный мир дорационален, закрыт и в определенном плане мифологичен. Этому миру как основе жизненного опыта противостоит открытый, рациональный мир. Наличие интересубъективного жизненного мира, в котором взаимосоотнесенность в ходе взаимодействия коррелирует с переплетенностью смыслов с образованием общего, пусть и недостаточно дифференцированного, горизонта обеспечивает жизненную профилированность права, обоснованность его нормативной обращенности к Любому, так или иначе

пребывающему в поле тяготения общего либо автономного, либо конвенционального. В этом случае право - способ координации и самоорганизации общества.

Встроенность права в жизненный мир одновременно означает возможность его насыщения конструктивными импульсами культуры, что позволяет усомниться в неопровержимости той аксиомы, что в современных обществах свободная личность призрачна и мифична [Сыров, 2003]. На перекрестках коммуникативных процессов, осуществляющихся под эгидой объективированных форм, в том числе и права, возникает не мираж, а возможность субъектности, обладающей качеством независимости и самостоятельности. Да и сама система современных обществ является скорее не формой сурового контроля за человеком, а способом регулирования, предполагающим не только соперничество личностей, бегущих наперегонки к благам; сосуществование и продуктивное взаимодействие активных, свободных и креативных личностей, вырабатывающих соглашение по многим вопросам и прибегающих к арбитражу.

Субъект - это свободное человеческое существо, осознающее свою свободу и ответственность. В праве эта ответственность перед собой и Другими предельно заострена. Правовое бытие предполагает задействование особого рода рефлексии, расширяющей правовменяемого субъекта в направлении бытия с Другими, поэтому явные оттенки трансцендентализма у данного субъекта не должны вводить нас в заблуждение. Автономность личности, "самозаконность", "способность быть господином самому себе" закрепляет предварительное условие, с которого начинается трансцендирование в сообщество и трансцендирование собственных границ к интересубъективному полю.

Социально-правовое измерение начинает вызывать настороженность, когда субъективность не находит себя в нем, в критическом настрое усматривая в себе "простую площадку" утверждения политико-правового дискурса. Дело здесь в том, что автономный субъект как первоначало права и социума заявлен, но не реализован во всей полноте. В связи с чем социальное поле не оказывается полем самодетерминации, расширяя радиус действия внешних сил, когда публичность становится "массовостью". В таких условиях массовая правовая личность остается фикцией той исконной субъективности, в которой заложены смыслообразующие истоки права, мотивирующие аутентичное, а не лукавое правовое поведение, выстраивающееся сугубо на поверхности. Вот почему интересы права, превратившегося в автономную реальность, и интересы человека, оказавшегося в состоянии фрустрации и подавленности, в том числе по причине небывалого роста объема официально-позитивного права, требуют тематизации правовой субъектности в разноплановых, но связанных субъективных контекстах.

Определенная деперсонализация человека в праве не может оттеснить положение о том, что персонализация вряд ли возможна вне права. "Легальная субъективность" -ядро, на котором могут строиться и с которыми могут согласовываться другие формы субъективности: за пределами легальных форм вполне возможны "внезаконные" формы субъективной идентичности, которые, будучи связаны с ней равным обрядом, легитимны. Целостность человеческого существа и его открытый характер требуют достаточно сложной позиции "в праве - вне права", выстраиваемой по принципу дополненности. К тому же покинуть сегодня право достаточно сложно: оно регламентирует все большее количество сторон человеческой жизни. И если субъект пребывает в праве "здесь" и "сейчас", то полная подвластность праву тем не менее предполагает его свободу быть вне права. Когда же субъект стремится вырваться в буквальном смысле слова на "свободу" и не быть в указанном выше сложном режиме бытийствования, то его свобода оказывается негативной и противоправной.

Превращающийся в трансформер современный человек отнюдь не контрпозиционен по отношению к нормативности (хотя тенденция к радиальной переориентации заметна), а скорее расширяет круг перетеканий из права во "вне права" и обратно, модулируя на игровой, но легальной основе контакт разных форм субъективностей, находящихся в основе разных стилей жизни. В подобной ситуации уже не срабатывает традиционная схема легитимации, выявленная Г. Кельзенем: признаваемый в качестве единственно законного один из нормативно-символических миров, ставший офици-

альным, "освящает" в качестве законных другие миры, самоотосланные к нему [Кельзен, 1987, с. 10]. Плюрализм здесь имеет явно ограниченный характер, а объективное право вознесено над субъективным.

В современном мире дело обстоит иначе: субъективное право успешно оспорило роль центра и обрело черты формальности и привело к беспрецедентному расцвету плюрализма. Во многом это связано с тем, что субъектность в праве альтернативна произвольности и случайности. Человек, вступающий в право, раскрывается в нем скорее не как пучок произвольных действий, а именно как некая собранность: в противном случае нельзя было бы говорить о значимости права для субъекта и значимости субъекта для права. В праве человек представлен как субъектность, как автор социальной реальности, возникающей в правовой культуре, но входящий в правовые отношения как нечто преданное и априорное. И поэтому когда П. Рикер вопрошает о том, кто является субъектом права, выясняется, что это - результат пересечения множества детерминационных потоков, исходящих и от языковой, и от мыслительной реальности. Но данный "продукт", как мне думается, не является смоделированным Я: человеческое Я всего лишь вступает в шлифовку своей особой грани. Вместе с тем Я не является индифферентным к праву: оно должно пройти стадию перерождения в направлении обретения юридических сторон и приобрести правовое оформление. Как подчеркивает в подобном духе и Рикер, нас нет в качестве завершенных существ вне права и политики, "оправдание права и политики в том, что благодаря их посредству осуществляются человеческие способности" [Рикер, 1997, с. 31].

Право способно привести начало персонализированности в организацию всей системы общественных отношений, если в самом обществе развиты правовые установки. Изменения в праве имеют эффект лишь в случае коэволюционной ориентации на личность, эти изменения приемлющей, но они во многом зависят и от позиции самой субъективности. На первый план в правопонимании сегодня должно выходить не право как способ регуляции, а право как метод координации действий субъектов и сфер их общественного существования. Это выступает необходимым условием реализации возможности правовой субъектности как субъектности с ярко выраженным не только правовым, но и нравственным нормативным колоритом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Валлерстайн Э. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000.
Зиновьев А. Логическая социология. Западнизм // Социально-гуманитарные знания. 2003. N 1.
Кельзен Г. Чистое учение о праве. М., 1987.
Медушевский А. Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. М., 2002.
Мюнх Р. Социальная интеграция в открытых пространствах // Философские науки. 2004. N 2.
Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. 1997. N 4.
Синченко Г. Ч. Философско-правовые облики человека. Омск, 2001.
Соловьев Э. Ю. Личность и право // Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас. М" 1991.
Сыров В. Н. Состоялась ли "смерть субъекта"? // Философская и правовая мысль. Вып. 5. Саратов-СПб., 2003.
Трубина Е. Г. К вопросу об автономном индивиде и децентрированном субъекте // Социемы. Екатеринбург, 1996. N 5.
Хаусхоффер К. Границы в их географическом и политическом значении // Классика геополитики. XX век. М., 2003.
Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. 2002. N 2.
Шугуров М. В. Удовольствие и право // Феномен удовольствия в культуре. СПб., 2004.
Farrell M.D. Autonomy and Consequences // Deliberative Democracy and Human Rights. New Heven-London, 1999.
Wright Sh. Imtemational Human Rights, Decolonisation and Globalisation. Becoming Human. London-New York, 2001.